

Зима не могла уничтожить цветы, а цветы не могли согреть зиму, но эти два явления слились воедино на одной снежной горе. В тот момент Истинный человек Унянь, только что выпивший вина, смотрел вниз с вершины и впервые увидел это удивительное зрелище. Он почувствовал, что это нечто редкое, и его внутренние барьеры в практике начали ослабевать. Вдохновлённый этим, он создал удар, обладающий разрушительной силой, — «Летающий Снег, Срывающий Цветы».

Этот удар содержал в себе множество образов, и даже если Истинный человек Унянь записал его в виде трактата, лишь немногие в пяти областях могли воспроизвести хотя бы десятую часть его силы.

Цинь Чаньюань назвал этот удар «Летающий Снег, Срывающий Цветы».

Позже, однако, что-то пошло не так. Возможно, какой-то молодой монах увидел это и рассказал другим, и слухи о том, что Истинный человек Унянь создал невероятный мечевой трактат «Летающий Снег, Срывающий Цветы», распространились по всем пяти областям. В те дни порог Врат Цинь был буквально затоптан, и Истинный человек Унянь, притворившись больным, отказался принимать гостей. В конце концов, он не выдержал и, схватив своего ученика, ушёл с горы, чтобы скрыться и тренироваться вдали от шума.

Цинь Чаньюань встретился взглядом с Сяо И:

— Что, ты тоже хочешь посмотреть?

Сяо И посмотрел на Цинь Чаньюаня, затем на Лу Жоцзя, который сразу же спрятался за спину Цинь Чаньюаня.

Через некоторое время Сяо И произнёс:

— Если у вас есть дела, обсудите их не у моей двери.

Цинь Чаньюань скривился, схватил Лу Жоцзя за воротник и вышел за калитку. Как только они оказались снаружи, Сяо И быстро и решительно закрыл дверь, не удостоив их даже взглядом, и вернулся в дом.

Цинь Чаньюань, глядя ему в спину, тихо плюнул:

— Ну и зазнайка. Когда меч Чуюнь окажется в моих руках, я тебя побью.

Лу Жоцзя неуверенно сказал:

— Чаньюань, ты уверен, что тебе нормально жить с ним в одном дворе? Он кажется немного опасным.

Цинь Чаньюань фыркнул:

— Он просто заносчивый. Сними с него спесь, и он окажется обычной высохшей тыквой. Разве это опасно?

Лу Жоцзя не сдержал смешка.

Эти слова без пропусков дошли до ушей Сяо И, который уже сидел за книгой. Его пальцы сжали страницу так сильно, что они побелели. Только через долгое время он перевернул страницу.

Цинь Чаньюань считал, что уже достаточно ясно объяснил Лу Жоцзя, но тот всё равно хотел пойти, и он никогда не мог устоять перед его уговорами. В конце концов, он сдался и согласился через два дня пойти с ним на научный симпозиум.

У него до сих пор не было подходящего оружия, и если бы он смог найти на симпозиуме достойный меч, это бы стоило того.

Получив обещание Цинь Чаньюаня, Лу Жоцзя радостно ушёл, оставив Цинь Чаньюаня одного в задумчивости. Он понял, что Лу Жоцзя сделал правильный выбор, поступив в Врата Конфуцианского Дао, ведь его красноречие было действительно впечатляющим.

Вечером, вернувшись с ужина, Цинь Чаньюань привычно взглянул в сторону двора Сяо И и увидел, что в комнате зажгся тусклый свет свечи. Это было настолько необычно, что он подумал: «Неужели Сяо И на самом деле сидит дома? Это редкость».

С другой стороны, Сяо И сидел за столом, держа в руках книгу, но его взгляд был расфокусирован, и он явно погрузился в свои мысли. Использование мечевого трактата «Летящий Снег, Срывающий Цветы» как приманки на научном симпозиуме не было чем-то новым, но то, что Цинь Чаньюань, только что прибывший, сразу разгадал этот обман, удивило его.

Истинный человек Унянь действительно никогда не писал мечевого трактата «Летящий Снег, Срывающий Цветы», но люди верили в его существование.

Взгляд Сяо И слегка дрогнул, и он опустил веки, вспоминая те дни на Пике Трёх Жизней в Вратах Цин.

В то время слухи о «Летящем Снеге, Срывающем Цветы» уже достигли невероятных масштабов, и Унянь, не в силах больше терпеть, схватил Сяо Юньцзиня и скрылся на маленьком холме.

Холм был уникален: хотя апрель уже подходил к концу, персиковые деревья на нём цвели пышно. Унянь был в восторге и каждый день занимался двумя вещами: варил вино из персиковых цветов и учил Сяо Юньцзиня.

Однажды Унянь, убедив маленького Сяо Юньцзиня лечь спать, выкопал кувшин вина и, слегка опьянённый, под воздействием вдохновения вызвал меч Чуюнь и исполнил удар «Летящий Снег, Срывающий Цветы».

Кончик меча срезал лепестки персиковых цветов, а его фигура под лунным светом выглядела изящно и величественно. Это было поистине красивое зрелище.

Маленький Сяо Юньцзинь, разбуженный потребностью сходить в туалет, встал и увидел этот поэтичный и одновременно смертоносный удар. Он тут же забыл, зачем встал, и это зрелище оставило глубокий след в его юной душе.

Унянь повернул голову и встретился взглядом с горящими, красивыми глазами Сяо Юньцзиня.

В тот момент он почувствовал себя немного виноватым, убрал меч Чуюнь и спросил:

— Почему ты встал?

Сяо Юньцзинь, ещё слишком маленький, чтобы скрывать свои мысли, не отрываясь смотрел на

Уняня:

— Наставник, я хочу научиться этому.

Унянь замаялся, почесав подбородок:

— Ты не сможешь...

Унянь был признанным гением мечевого искусства, и тот удар, созданный в момент озарения, содержал в себе настолько глубокий смысл, что даже глава школы не смог бы воспроизвести и половину его силы, не говоря уже о маленьком Сяо Юньцзине.

Сяо Юньцзинь не расстроился. Он знал, что его наставник был великим человеком, и понимал, что ему потребуется время, чтобы научиться.

Сяо Юньцзинь сказал:

— Наставник, ты можешь показать мне полный удар?

Унянь подумал, что это не принесёт вреда, и, кроме того, его ученик редко просил о чём-то. Однако проблема заключалась в том, что у «Летящего Снега, Срывающего Цветы» не было полного трактата...

Унянь почувствовал головную боль. Его маленький ученик с круглым личиком и блестящими глазами смотрел на него с доверием и преданностью, и он не мог сказать правду.

Унянь вздохнул:

— «Летящий Снег, Срывающий Цветы» — это не просто удар, который можно показать кому угодно. Я могу исполнить его только для того, кого искренне люблю, и только тот, кто искренне любит меня, сможет понять его.

Сяо Юньцзинь понял примерно восемьдесят процентов, но всё же смутился и упрямо настаивал:

— Разве ты меня не любишь? Я люблю тебя, наставник, я хочу увидеть «Летящий Снег, Срывающий Цветы».

Глядя на этого милого, как снег, мальчика, Унянь отвёл взгляд.

Нужно держать границы, чтобы отцовская любовь не превратилась во что-то другое...

Унянь сказал:

— Юньцзинь, конечно, я тебя люблю, и даже очень сильно. Но та любовь, о которой я говорю, отличается от той, что мы сейчас обсуждаем.

В глазах Сяо Юньцзиня мелькнуло разочарование, но он всё же собрался с силами, его ресницы, как вороньи перья, задрожали:

— Но чем отличается то, что я говорю, от твоего?

Унянь глубоко вздохнул.

Сяо Юньцзинь почувствовал колебания Уняня и, моргая, сказал:

— Наставник, я просто хочу посмотреть, это не повлияет на тебя.

Унянь смягчился, вино из персиковых цветов снова начало действовать на его разум, и он согласился:

— Хорошо, через некоторое время я покажу тебе.

Унянь не придавал этому большого значения, ведь дети быстро забывают.

Сяо Юньцзинь улыбнулся:

— Спасибо, наставник.

Он знал, что любит своего наставника, и наставник любит его, поэтому он обязательно увидит «Летящий Снег, Срывающий Цветы».

Так Сяо Юньцзинь жил с этой надеждой целых пять лет, пока однажды Гэ Цин не упомянул случайно, что полного трактата «Летящий Снег, Срывающий Цветы» не существует. Этот абсурдный и несбыточный сон наконец развеялся.

Сяо И почувствовал тяжесть в груди. Он сжал руку на сердце и закрыл глаза.

Да, тот человек никогда не принимал это всерьёз.

Хотя новые ученики уже официально поступили в академию, у них было пять дней на выбор курсов, и только после этого начинались занятия. Пользуясь этими двумя днями свободного времени, Цинь Чанъюань бродил по академии и в итоге изучил все её правила.

Нельзя ночевать вне академии, нельзя драться, нельзя шуметь, нельзя выносить еду из столовой... Список запретов казался бесконечным.

Однако, помимо запретов, были и приятные моменты.

Ученики, у которых не было занятий, могли получать задания в Зале Линфа, например, помогать старейшине Ляньци ухаживать за бородой, убирать кабинет наставника, сортировать книги в библиотеке и так далее. За успешное выполнение задания ученики получали от пяти до десяти баллов, в зависимости от сложности. Конечно, в Зале Ляньфа можно было и размещать задания, но для этого нужно было заплатить баллы.

Если ученик достигал определённого уровня, он мог занять управленческую должность, например, стать учеником-библиотекарем или дежурным в Саду укрощения зверей. Такие должности были более стабильными и приносили до ста баллов, что было довольно выгодно.

<http://bllate.org/book/16414/1487397>